

collecting and reporting the news, people have spoken millions of words and written thousands of pages. As a profession, there is an ability in journalism that has been come a long way to match ethical issues and dilemmas. By advancing their sensitivity, journalists have expanded their decision-making skills. When sources and subjects [p35, 3] are damaged for no good reason and when journalists do a terrible job of truth-telling, journalism becomes “bad”. Excellent and ethical journalism usually minimizes harm and maximizes the amount of truth. The principles [p48, 3] of fairness and accuracy are the heart of journalism and used to tell the truth. Accuracy is significant responsibility of news organization and journalists. It means getting it right. Wrong information undermines the credibility of journalism and gives a bad opinion about journalism to the public. In fairness, information is reported without favoritism, self-interest and prejudice and the truth is pursued with compassion and energy. However, it is impossible for journalists to tell the truth in every story as facts may compete against each other.

To sum up, the idea of an ethical journalism [p12, 1] may appear to be an opposition in terms. The phrase “you shouldn’t believe all you read in the papers” adds up the attitude of many people towards journalism. This could lead to take action according to the problem. Journalists have to make people trust their accuracy with the information and stories. It is humanly [p50, 3] possible to make few mistakes. However, in the rush [p12, 1] journalists are used to forget his or her loyalties to the reader by choosing the loyalty to his or her employer. In order to obtain readers trust, journalists should prove that stories are collected fairly as well as they are truthful and accurate.

REFERENCES

1. Chris Frost (2014), Journalism Ethics and Regulation;
2. Christopher Meyers (2010), Journalism Ethics: A Philosophical Approach;
3. Fred Brown (2011), Journalism Ethics: A Casebook of Professional Conduct for News Media
4. Richard Keeble (2008), Ethics for journalists;

УДК 882
ГРНТИ 17.01.11

РУССКАЯ ПРОЗА КАЗАХСТАНА: ЕВРАЗИЙСТВО И ДИАЛОГ КУЛЬТУР

DOI: [10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.74.773](https://doi.org/10.31618/ESU.2413-9335.2020.7.74.773)

Ананьева Светлана Викторовна

Канд. филол. наук, доцент,

заведующая отделом международных связей и мировой литературы

Института литературы и искусства имени М.О. Ауэзова

Министерства образования и науки Республики Казахстан,

г. Алматы, Казахстан

АННОТАЦИЯ

Поэтика крупной жанровой формы – повести и романа включает «открытость» как фундаментальную возможность, которой наделен автор и его читатель. Поэтика произведений «в движении» создает новый механизм эстетического восприятия, обогащая национальную картину мира художника слова. Концепт как фокус знаний о мире раздвигает границы исследования прозы И. Щеголихина, Т. Фроловской и К. Кешина. Концепты *Родины, памяти, забвения* в художественных текстах русских писателей Казахстана чрезвычайно важны. Литературное произведение вступает в сложные внеtekstовые связи с окружающей действительностью, расширяя духовный горизонт общества, сохраняя традиции и преемственность.

ABSTRACT

The poetry of the large genre form – the story and the novel includes «openness» as a fundamental opportunity that is endowed with the author and the reader. The poetics of works «in motion» creates a new mechanism of aesthetic perception, expanding the national picture of the writer's world. The concept as a focus of knowledge about the world expands the boundaries of the study of prose by I. Schegolikhin, T. Frolovskaya and K. Keshin. The concepts of the Motherland, memory, oblivion in the literary texts of Russian writers of Kazakhstan are extremely important. A literary work enters into complex non-textual relations with the surrounding reality, expanding the spiritual horizon of society, while preserving traditions and continuity.

Ключевые слова: евразийство, феномен, традиция, автобиографический роман, память, повесть, интертекстуальность, повествовательная стратегия, дискурс, характер

Keywords: Eurasianism, phenomenon, tradition, autobiographical novel, memory, novel, intertextuality, narrative strategy, discourse, character

Русская литература Казахстана как самостоятельный творческий феномен в своем развитии опирается на традиции русской классики. Нередко известные ученые, поэты, писатели России – главные герои и персонажи художественных и публицистических

произведений казахстанских авторов. Интересно исследование Т. Фроловской «Евразийский лев» о Л.Н. Гумилеве и евразийцах начала XX века, проиллюстрированное редкими фотографиями из семейного альбома, схемой этногенеза западноевропейского суперэтноса, картой

торговых путей и таблицей изменения пассионарного напряжения этнической системы [1].

Роман автобиографический, произведение во многом полемическое, о социальных проблемах жизни страны в 90-е годы XX века и в начале нового тысячелетия – «Выхожу один я на дорогу» И. Щеголихина [2]. Автор-повествователь признается в одной из бесед с персонажем, что зачитывается, упивается книгами Гумилева, восхищается его признанием: «В лагере бывал счастлив, когда писал...» [2, с.180]. Три фигуры в истории не только России, но и всей Евразии – «Анна Ахматова, ее сын Лев, ученый историк, и муж Николай Гумилев, поэт» [2, с.181]. Более тринадцати лет каторжных лагерей сделали ученого слишком осторожным, во многом, отдавая должное учителям, он оставался самостоятельным и независимым. История, этнология, мировые религии и еще многое другое объяснены Л. Гумилевым с исчерпывающей полнотой. Вступают в перекличку тексты и их авторы.

Актуальность данного исследования детерминирована важностью выявления интертекстуальных и текстообразовательных отношений между художественными произведениями исследуемых авторов с учетом современной трактовки идентичности как диалога, а не «войны идентичностей»; динамического равновесия «идентичности» и «диалога» в русле господствующей в науке XXI века тенденции междисциплинарности.

Методами исследования являются объективно-аналитический, историко-литературный и сравнительно-типологический.

С детских лет до последних лет жизни воссоздана Т. Фроловской жизнь главного героя книги. Т. Фроловская так раскрывает значение и суть евразийства для Л.Н. Гумилева: «Самая близкая научная школа, манера мышления, источник постоянного вдохновения, стимул к работе на протяжении долгих десятилетий – вот что такое для Льва Николаевича евразийство. Его трагедией, которой он противостоял все эти годы, была невозможность открыто примкнуть к учению, безбоязненно следовать за учителями и предшественниками. Приходилось остерегаться и скрывать свои взгляды, свое проникновение в глубины истории, свою обоснованную теорию возникновения этносов» [1, с.27]. Л. Гумилев доказал, что каждый этнос имеет право на свою культуру, свой строй мыслей и свои идеалы.

О Гумилеве в романе И. Щеголихина вспоминает не только автор, но и один из персонажей – Байгельди, который встречался в Санкт-Петербурге с вдовой ученого. «Человеку хочется иметь достойное прошлое, хочется доказать, что у нас есть, чем гордиться, и что мы передаем наследникам не пустое пространство. Человек благородный, вспоминая минувшее, преображает его невольно. Обаяние прошлого слагается для него не из фактов, а из любви, восторга и сострадания» [2, с.186], – резюмирует И.

Щеголихин. Вся русская классическая литература и современная выстроены на концептах, ключевых для культуры слов-понятий – «судьба, душа, тоска, совесть, удаль, авось, умиление» [3, с.357].

Литературной страной с любовью к слову и искусством жить словом, в слове определил Казахстан современный российский критик Е. Ермолин, который пишет «о зоне риска и опыте свободы, кризисе писательской харизмы и дефиците смыслов» в литературе России [4, с.13]. Он особо подчеркнул прочную литературную традицию в стране, готовность общаться со всем миром, открытость миру как корневую черту литературы Казахстана, зреющей в контексте степной, кочевой цивилизации, с ее пафосом свободы и вольным ветром в лицо.

В Казахстане сформировались как писатели И. Щеголихин (врач по образованию), педагоги и журналисты Т. Фроловская (поэт, переводчик) и К. Кешин. Герой художественного произведения исповедует, несомненно, «сугубо личную форму бытия, которую можно с некоторой натяжкой назвать приватной мифореальностью, с частными причинами и следствиями, одновременно и лишенную догмата коллективных доминант, и включенную в их основное русло» [5, с.56]. Символично пишет И. Щеголихин о душевной щедрости казахского народа: «Пусть наши боги – всех ста народов – вознаградят казахов за их великое долготерпение. За их великую душу» [2, с.36].

Тернистым был путь в литературу у И. Щеголихина: «Первый рассказ напечатали с большими опасениями, поправками, первую повесть “В одном институте” вообще запретили, рассыпали набор в издательстве, первый роман “Снега метельные” здесь дважды отвергли, напечатали в Москве» [2, с.186]. Русский писатель размышляет о литературном процессе, вспоминает Дм. Снегина и И. Шухова, литературную жизнь в старейшем русском журнале «Простор». С горечью и откровенно о лагерной литературе: «Лагерных писателей превозносят прежде всего за то, что они ничего не оставляют от родной страны, кроме лагерей. Вместо великой державы только лагеря и зеки, как до революции только каторга и лапти, Салтычиха и Бенкендорф, крепостное право и тюрьма народов» [2, с.37]. И подчеркивает, что не хочет писать о том, «как было плохо, я хочу писать о том, как я любил и меня любили. Как любили нас всех – сыновей и дочерей Родины. И в лагеря отправляли – пионерские, спортивные, исправительно-трудовые – для высшей цели, оберегая и наращивая то главное, без чего народу не жить, не быть» [2, с.36].

Жанровое определение произведению нередко дают сами авторы, что «позволяет рассматривать вопрос о концепции человека / личности, о жанрообуславливающих факторах, определяющих типологию жанроформирования и особенности жанрообразовательных процессов» [6, с.154]. Первая глава автобиографического романа «Выхожу один я на дорогу», «главной книги о

прошлом» [2, с.15], как назвал ее сам автор, – из дневниковых записей 1995 года. И. Щеголихин предельно откровенен, порой, резок, неудобен для многих. «Правозащитники – главные герои нашего времени, главная власть. Они установили мораторий на понятия *родина, патриотизм, отечество*» [2, с.6].

19 мая 1995 года в зале кинотеатра «Октябрь» состоялся вечер памяти Сергея Есенина, и автор романа «Выхожу один я на дорогу», принимавший активное участие в организации и проведении «трогательного концерта» (именно так в тексте. – С.А.), на котором был и Олжас Сулейменов, поблагодарил участников поэтическими строчками русского поэта: «Я северный ваш друг и брат, поэты все единой крови, и сам я тоже азиат в поступках, в помыслах и в слове». Так тема евразийства как лейтмотив прозы И. Щеголихина, Т. Фроловской и К. Кешина получает разработку в художественных текстах. И, как верно пишет А. Жучкова, герои и герони «находят ту точку, с которой начинается пробуждение» [7, с.134].

Дневниковая запись: «31 мая, среда. Сон под утро – мать моя за окном ждет, чтобы я шел домой. Что это значит? Где мой дом? Не там, где я пребываю, иначе мать не ждала бы... Она не звала, молчала, но мне ясно было – пора домой. Гроб в старину называли домовиной» [2, с.36]. Так неожиданно архетип *дома* получает художественное отображение в ткани романа. Концепт *Родины* в прозе И. Щеголихина постоянен. Родина – общая, Советский Союз. Родина – Казахстан. Родина – Оренбургская губерния, где родился герой повести И. Щеголихина «Слишком доброе сердце» (в тексте автобиографического романа «Выхожу один я на дорогу» автор называет эту повесть – романом), словно подтверждая выводы современного российского исследователя: «И как бы ни был роман “открыт”, “незавершен” и “свободен”, он сохраняет важнейшее из интеллигентских поучений – дидактику целостного, состоявшегося в авторском смысле мироздания, отличающегося объемом и не самым простым сюжетом» [8, с.70].

Середина августа 1995 года. И. Щеголихин в Ленинграде, бродит по Васильевскому острову, посещает Петропавловскую крепость, где «содержался наш земляк, родился в Оренбургской губернии, мать его была киргизская княжна из рода Ураковых (потомков Урак-батыра), а отец русский чиновник при губернаторе» [2, с.67]. Михаил Михайлов, поэт, прозаик, переводчик, печатался в «Современнике» при Некрасове. Концепт *забвения* в романе И. Щеголихина «Выхожу один я на дорогу» неотрывен от концепта *Родины*. Не отпускает в этот приезд Питер русского писателя из Казахстана. Не единожды возникает мысль остаться в России, но тогда будут другие произведения, другой жизненный и творческий путь.

«Оставил я там свое будущее – другое. И на прощанье с благоговением прошел вокруг Медного

всадника. “Куда ты скакешь, гордый конь, и где опустишь ты копыта?”» [2, с.69].

Сложные пространственно-временные конструкции характеризуют повесть К. Кешина «Керосиновая лампа» [9], автор которой в самом начале повествования, интертекстуального, включающего множество реминисцен-

ций, ссылок, обращений и цитирований из русской и мировой классики, пишет о концепте *память*. С этого и начинается повесть: «Память постоянно возвращается к начальному воспоминанию. Оно незатейливо, ничего такого особенного, будто бы некогда потрясшего душу, в нем нет, но есть нечто притягательное, не угасающее в загадочных глубинах памяти. Это обрывочное воспоминание очень дорого мне. Причем, иной раз оно обретает почти что осязаемую вещественность» [9, с.3]. Прозаик называет память то капризной, то полуутчтливой, сравнивает с Большой рыбой из повести Хемингуэя «Старик и море». Память прихотливо неуправляема, непокорна, непредсказуемо-томительна. «Может быть, память и я – почти что одно и то же, и мы – в каком-то логически необъяснимом родстве?», – задает риторический вопрос К. Кешин.

Приказывать памяти бесполезно, «вспомнить подробно именно то, что более всего хочется восстановить в зрительном образе, далеко не всегда удается». В детстве герой повести, он же автор-повествователь, как и его друзья «ничего не знали, не ведали ни о лагерях, ни о тюрьмах, ни о расстрелях». Как в “Записках сумасшедшего” Гоголя: “Ничего, ничего – молчание!”» [9, с.26]. В повести о детстве цитируются Н. Гоголь и А. Беляев, И. Гете и А. Пушкин. Пятой главе повествования «Святой Себастьян» предложен эпиграф из «Братьев Карамазовых» Ф.М. Достоевского: «... любил приходить к ней и рассказывать то из случившегося с ним сейчас, то из прочитанного, то вспоминать из прожитого им детства ...».

Детство – это игра на фортепиано, шахматы, немецкий язык, белоснежные занавески, крыльца дома с прогретыми солнцем половицами, к которым можно прижаться щекой. И быть счастливым.

Дом – память ... Память и я... Именно так концептуально развивается повествование. Много интересного таят размышления К. Кешина. «Внезапное, словно вспышка дальней звезды, независимое и необъяснимо беззаконное существование моей, пока еще достаточно подробной памяти – это и есть человек, ныне пишущий эти строки? И сопротивляться, исправить прихотливую неуправляемость, свободную неподчиненность непокорной памяти как раз могу только с помощью создаваемого мною словесного события, написания то ли ностальгической, то ли исследовательской прозы» [9, с.48]. Автор совершенно верно определяет свою прозу как исследовательскую. Пишет К. Кешин о Моцарте и

Сальери, У. Шекспире, А.С. Пушкине, Ч. Диккенсе, С. Есенине.

Избранный К. Кешинным нарративный дискурс определяет и повествовательную стратегию. Свободно переходя от сравнений картин своего детства с эксклюзивными сюжетами фильмов тех лет (вступает в свои права интермедиальность), с щемящей тонкой грустью кадрами фильмов «Девушка спешит на свидание», «Сердца четырех», «Моя любовь», «Жди меня», нарратор чередует смутные картины московской жизни и более яркие, отчетливо сохранившиеся в памяти сценки из южно-казахстанского города Ленгер, в который направили после окончания московской горной академии имени Сталина его отца. «Справиться бы с сохранившимися воспоминаниями...», – резюмирует автор.

Из детства, где и формируется характер главного героя, любовь к Пушкину. Исследовать творчество поэта К. Кешин будет на протяжении всего своего творческого пути. И именно чтение Пушкина помогло развиться воображению. Порою прочитанное возникало в сознании ребенка «почти осознанно... Казалось, что прикасаюсь осторожной милосердной ладонью к ветхой старухиной одежонке, к ее печальному морщинистому лицу; а вошедшее в известную поговорку бесполезное “разбитое корыто” с широкой продольной трещиной словно бы, действительно, существовало в моем собственном детстве, в ныне исчезнувшем дворовом перенаселенном бараке» [9, с.60].

Концепт исторической памяти является определяющим в русской прозе Казахстана. «Научное наследие Льва Николаевича Гумилева, безвыездно жившего в своей стране, оказалось в том же положении, что и русская зарубежная история, русская зарубежная литература. Возвращение на “историческую Родину” произошло после 1985 года – рубежа реабилитации, рубежа возвращения “честного имени” многим и многим ученым и писателям, с книгами которых, если и можно было ознакомиться, то только в специальных или подпольно» [1, с.18].

Концепт *память*, являясь ведущим в современной прозе, помогает проследить связь времен в литературе, обратить внимание на узловые моменты истории, сделать прогноз на будущее.

Русские прозаики Казахстана вносят большой вклад в популяризацию казахской литературы, осуществляя переводы классиков и современных авторов на русский язык. Т. Фроловская, И.

Щеголихин и К. Кешин в контексте диалога культур и литератур, безусловно, способствовали широкому распространению казахской литературы за рубежом, будучи глубоко убежденными в том, что «народ Казахстана имеет древнюю, общую казахско-туркско-славянскую историю на безграничных просторах Евразии» [2, с.272]. Национальный код и национальная идентичность сохраняются в созданном писателем образе мира, где каждый персонаж, как и автор, имеет свой голос. Основой и смыслом существования, по Щеголихину, «пусть будет культура, она добрее и надежнее богов разделителей, она сметает барьеры, и в ней всегда вырастал и побеждал только тот, кто отважно служил единству и находил свое счастье не в исполнении желаний, а в желании исполнить свое назначение» [2, с.318].

Идеи евразийства мощно звучат в современной прозе и публицистике. Обретение подлинной реальности осуществляется не в линейной темпоральности, а в моменты воспоминаний героев русской прозы Казахстана о прошлом, что позволяет проводить интересные сопоставления и приходить к значимым выводам, а порой, и открытиям.

Список литературы:

1. Фроловская Т. Евразийский лев. Семей: Международный клуб Абая. 2003. – 210 с.
2. Щеголихин И. Выхожу один я на дорогу // Щеголихин И. Избранное в 2-х т. Т. 2. Алматы: Азия, 2006. – 320 с.
3. Багно В.Е. Миф. Образ. Мотив. Санкт-Петербург: Вита Нова, 2014. – 480 с.
4. Ермолин Е. Медиумы безвременья: Литература в эпоху постмодерна, или Трансавангард. М.: Время, 2015. – 208 с.
5. Слесарев А.Г. Европейская идеология и проблема потери национальной идентичности в современной немецкоязычной литературе // Филологические науки. 2018. №1. С.53-59.
6. Головко В.М. Герменевтика литературного жанра: учеб. пособие. М.: Флинта, Наука, 2016. – 184 с.
7. Жучкова А. Похороны сына века. Роман А. Рубанова «Патриот» // Вопросы литературы. 2018. Январь – февраль. С.123-135.
8. Татаринов А. Современный роман: важные встречи с небытием // Вопросы литературы. Ноябрь – декабрь. 2013. С.67-82.
9. Кешин К. Керосиновая лампа // Кешин К. Избранное. Алматы: Каламгер, 2018. С.3-61.